

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 947-954
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.947

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problematic Aspects of the Interaction between the civil and Military Authorities of Moscow during the Suppression of the December uprising of 1905

Stanislav E. Prokofiev ^{a, *}, Pavel S. Seleznev ^a, Konstantin V. Simonov ^a, Daniel V. Petrosyants ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This work is devoted to the study of key problems in the interaction between the civil and military authorities of Moscow during the suppression of the December uprising of 1905. security and order under the Moscow mayor, stored in the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Military Historical Archive.

The methodological basis of the work includes elements of structural, synchronic and diachronic analysis. The authors come to the conclusion that the strategies for responding to the threat of an armed uprising of both the civil administration and the military command contained a number of significant miscalculations, and in the relationship between them there was a lack of trust in many significant moments. Under these conditions, the direct subordination of parts of the Moscow garrison to the governor-general would hardly have led to an optimization of the actions of government forces to suppress the armed uprising. This measure would bring the expected effect only with a concomitant increase in the number of military units, as well as the establishment of undercover police work at the proper level and ensuring the effective operation of communication systems. At the same time, responsibility for the indicated shortcomings cannot be assigned primarily to F.V. Dubasov. The latter was appointed to the post of Governor-General of Moscow only at the end of November 1905 and objectively had neither the resources nor the authority to eliminate the indicated shortcomings, at least within the framework of his competence.

Keywords: revolution, 1905, Moscow, police, gendarmerie, rallies, riots, civil authorities, governor-general, army, Moscow military district.

1. Введение

Декабрьское восстание в Москве является одним из кульминационных событий революции 1905 г. Однако объективная оценка связанных с ним событий остается достаточно сложной задачей для исследователей, обусловленной тем, что сам характер взаимодействия между основными действующими силами со стороны властей остается относительно слабо изученным. Ситуацию усугубляет наличие историографических мифов, введенных в научный оборот как за счет заимствования элементов нарративных источников, так и в результате некритического восприятия отдельных делопроизводственных документов и материалов личного происхождения. Сочетание этих факторов способствует тиражированию в рамках научной и научно-популярной литературы дискурсивных рамок, искажающих картину событий декабрьского восстания 1905 г.

2. Материалы и методы

Источниковая база работы была сформирована преимущественно за счет привлечения не опубликованных ранее делопроизводственных документов, отложившихся в фондах

* Corresponding author

E-mail addresses: SEProkofev@fa.ru (S.E. Prokofiev), PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), KVSimonov@fa.ru (K.V. Simonov), DVPetrosyants@fa.ru (D.V. Petrosyants)

Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация). В том числе были использованы материалы фондов штаба Московского военного округа, Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи и Отделения по охране общественной безопасности и порядка при московском градоначальнике. Помимо того, для написания исследования привлекались источники личного происхождения.

Методологическая основа работы выстроена путем системного сочетания элементов трех разновидностей анализа – структурного, синхронного и диахронного. Использование структурного анализа позволило реконструировать систему мер, направленных на подавление восстания, и вычленив в ней функциональные роли гражданских и военных структур. Синхронный анализ позволил сопоставить и увязать между собой протекавшие одновременно процессы, в то время как применение диахронного – позволило проследить развитие наблюдаемых явлений.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии вопрос о взаимодействии гражданских и военных властей в рамках подавления декабрьского восстания исследовался преимущественно в ключе выявления персональной ответственности политиков и генералов за конкретные репрессивные акции и оценки обоснованности использования против них террористических методов (Берман, 1913; Гредескул, 1912).

Исследователи советского периода концентрировали внимание на взаимодействии с гражданской администрацией Москвы конкретных подразделений. При этом наблюдался четкий уклон в сторону обоснования коллективной ответственности военного руководства и гражданских властей за эксцессы, позиционируемые в качестве результата целенаправленных действий высшей бюрократии (Ерошкин, 1952; Кальманович, 1928; Мицкевич, 1940; Панкратов, Поляков, 1965; Панкратова, 1951; Ростов, 1926; Сторожев, 1920; Таратута, 1925; Чебарин, 1953; Черномордик, 1926).

В современный период были предприняты попытки комплексной оценки системы взаимодействия гражданской администрации и руководства войск Московского гарнизона, а также реконструкции механизмов их кооперации. Однако исследователи так и не пришли к консенсусу по заявленной теме. При этом в отдельных работах фиксируется влияние на оценку роли того или иного исторического деятеля симпатии или антипатии со стороны исследователя (Алмазов, 2020; Ананьич, Ганелин, 2000; Варфоломеев, 2008; Гурьев, 2014; Овченко, 2012).

4. Результаты

Оценивая систему взаимодействия гражданской администрации и военного руководства в рамках подавления революционного движения в Москве в 1905 г., в первую очередь необходимо обратиться к позиции, выраженной одним из основных участников соответствующих событий по итогам разгрома декабрьского восстания.

Еще в конце декабря 1905 г. генерал-губернатор Москвы Ф.В. Дубасов обратился к императору с докладной запиской, в которой поставил под сомнение целесообразность существующей системы взаимодействия армейских частей с гражданской администрацией. По мнению генерал-губернатора, его полномочия не должны были формально ограничиваться призывом войск для подавления беспорядков. Ф.В. Дубасов подчеркивал, что фактически был вынужден взять на себя управление войсками вопреки отсутствию соответствующих полномочий. Одновременно генерал-губернатор настаивал, что предотвращение угрозы революционных выступлений в будущем обязательно потребует концентрации высших гражданских и военных полномочий в старой столице в его руках, что предполагало, в том числе, необходимость подчинения руководителю гражданской администрации и командования Московского военного округа (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 48. Д. 23. Л. 34-35).

Описанные выводы основывались отнюдь не только на политических амбициях Ф.В. Дубасова. В их основе лежал реальный опыт. Однако генерал-губернатор все же частично упрощал реальную картину событий, умалчивая об обстоятельствах, свидетельствовавших скорее в пользу сохранения автономии военного командования.

После того как в Москве было введено положение чрезвычайной охраны, генерал-губернатор обрел положение главноначальствующего, что предполагало заметное расширение круга его прав. В частности, глава гражданской администрации получал возможность формировать с целью поддержки подразделений полиции особые военно-полицейские команды и по своему усмотрению направлять уголовные дела на рассмотрение военного суда. Но в то же время генерал-губернатор не обладал правами главнокомандующего армейскими подразделениями на вверенной ему территории: даже в военное время для этого требовалось особое разрешение императора. Соответственно, даже в ранге главноначальствующего руководитель гражданской администрации не мог по своему усмотрению распоряжаться войсками (ГАРФ. Ф. 102. 2-е д-во. Оп. 61. Д. 32. Ч. 2. Л. 51-53).

Наиболее значимым следствием отказа властей от принципа единоначалия в рамках подавления революционных беспорядков стали ошибки в сфере планирования. Еще в октябре–ноябре 1905 г. руководством Московского военного округа был составлен план развертывания войск

гарнизона в столице на случай начала массовых беспорядков, в соответствии с которым вся территория старой столицы разделялась на три зоны: первая – включала в себя территорию от Москвы-реки в районе между Александровским садом и Крымским мостом, Садовой и Тверской улицами; вторая – охватывала районы между Садовой, Мясницкой, Никольской и Тверскими улицами; границы третьей – проходили по улицам Мясницкой и Садово-Черногрязевской, а также берегу Москвы-реки между Устьинским мостом и Кремлем (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 2-5).

Внутри этих зон войска московского гарнизона должны были занять объекты, ключевые с точки зрения логистики, а также обеспечения экономической стабильности и целостности системы государственного правления. К их числу относились крупные мосты, площади и ворота, здания почтамтов и пункты телефонной связи, вокзалы и банки. При этом большая часть войск концентрировалась в центре Москвы. В рабочих районах старой столицы присутствие сил гарнизона, как предполагалось, будет лишь символическим. Данная модель развертывания представляется вполне логичной, если бы речь шла о необходимости исключительно разгона митингов и подавления забастовок. Однако она не была рассчитана на противодействие революционерам в ходе вооруженного восстания (Алмазов, 2020: 57; Караев, 1953: 61).

В результате вне зоны развертывания войск оказались важнейшие очаги революционного движения в Москве: городской парк конно-железных дорог, фабрика Цинделя, Курская и Казанская железные дороги и Миусская площадь. Отсутствие в этих районах воинских подразделений впоследствии способствовало тому, что на соответствующих территориях столкновения с боевиками продолжались даже после поражения основных сил восставших. Курская и Казанская железные дороги в итоге стали доступны правительственным войскам лишь в последние дни восстания (Бобровская, 1924: 39; Гурьев, 2014: 72; Козлинина, 1913: 142).

Показательно и то, что в плане развертывания сил гарнизона отсутствовали пункты, касающиеся взятия, охраны и уничтожения баррикад, в результате чего уже в период вооруженного восстания между военными, полицейскими и пожарными возникали постоянные трения о том, кто должен заниматься разбором и сожжением баррикад либо их охраной до прибытия команд уничтожения. В результате успешные операции по захвату баррикад зачастую не приносили значимой пользы: революционеры по ночам возвращались на отбитые у них днем укрепления и ремонтировали их (Галкин, 1996: 117; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 35-38).

Разработка данного плана осуществлялась исключительно сотрудниками штаба Московского военного округа, без консультаций с представителями гражданских властей, следствием чего во многом стало использование ошибочных вводных. Как уже было отмечено, принимавшие участие в разработке воинского расписания специалисты исходили из того, что войскам придется иметь дело с противником в лице бастующих рабочих, что допускало возможность как раздробления отрядов на малые группы, так и отсутствия значимых сил в местах концентрации и выдвижения вооруженных групп мятежников (Брачев, 2002: 121; Буренин, 1961: 55-56; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 70-71).

Оценка перспектив развития беспорядков, сделанная представителями армии, заметно отличалась от выводов аппарата генерал-губернатора, сотрудники которого в первых числах декабря 1905 г. ожидали радикализации революционеров и начала полноценных вооруженных выступлений.

Издержки ограничений в отношении полномочий гражданского главноначальника четко проявились и в ходе вызова в столицу войск гарнизона после начала всеобщей стачки 7 декабря. Тогда руководству воинских подразделений было дано право использовать против участников беспорядков оружие без санкции гражданских властей, что фактически подразумевало передачу военным формированиям функций полиции. Но это решение вполне закономерно не повлекло за собой стабилизации ситуации (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 21. Л. 45; Новицкий, 1991: 75).

Во-первых, как уже было отмечено выше, подразделения войск на местах оказались крайне малочисленными, что заметно сократило их боевые возможности и в то же время минимизировало психологический эффект от присутствия войск в городе. Во-вторых, негативные эффекты от малочисленности войск налагались на существенные проблемы со связью и сбором информации о действиях революционеров. В делопроизводственных документах частей гарнизона отмечается, что командовавшие воинскими подразделениями офицеры зачастую не могли дозвониться друг до друга, а в телефонных депешах появлялись ошибки. Проблемы со связью в итоге приводили к возникновению ситуаций, когда отдельные подразделения теряли связь с командованием и их командиры были вынуждены действовать вне рамок полученных инструкций. Так, 8 декабря командир подразделений, занимавших Николаевский вокзал, есаул Е.Г. Герасимов был вынужден самостоятельно принять решение о переводе зоны вблизи Каланчевской площади на военное положение. Аналогичным образом уже в период активной фазы боев в Москве (14 декабря) командование Ростовского полка было вынуждено самостоятельно принимать решение о штурме баррикад в районе Каретного ряда и 4-й Мещанской улицы из-за отсутствия связи с вышестоящим руководством (Кальманович, 1928: 91; Островитянинов, 1967: 212; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 97).

При этом революционеры активно пользовались ограниченностью ресурсов полицейского аппарата столицы с целью организации информационных диверсий. В частности, активно распространялись ложные слухи относительно организации митингов и маршрутов движения их

участников. Следствием этого стало падение доверия военного руководства к сообщениям гражданских властей (Звездов, 1925: 34; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 85; Ростов, 1926: 97).

Усугубляли ситуацию попытки вмешательства в планирование мероприятий по подавлению беспорядков со стороны крупного бизнеса. Появление даже незначительной угрозы его имуществу или даже слухов о ее появлении влекло за собой поток обращений с просьбой выделить вооруженную охрану. При этом численность затребованных предпринимателями подразделений зачастую мало отличалась от общего количества митингующих (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 79).

Как результат, получили распространение две деструктивные тенденции. С одной стороны, военные команды на местах начали игнорировать сообщения, поступающие по линии аппарата генерал-губернатора и руководства московской полиции, и ориентироваться преимущественно на сигналы местных приставов, т.е. наблюдалась фактическая децентрализация борьбы с революционными беспорядками. С другой стороны, многие офицеры из руководства Московского военного округа перешли к избирательному формату реагирования на сигналы о беспорядках: просьбы, оцениваемые ими как избыточные, оставались без удовлетворения. Более того, имелись случаи, когда командиры подразделений препятствовали отправке воинских команд к назначенным им местам дислокации. Также имели место эпизоды, когда штаб-офицеры обращались к командованию с просьбой подтвердить распоряжение, если полученный приказ был передан через сотрудника полиции (ГАРФ. Ф. 102. 2-е д-во. Оп. 62. Д. 41. Ч. 2. Л. 7-8; ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е д-во. 1905. Оп. 316. Д. 2586. Л. 19, 28).

Естественным следствием этого стала как эскалация насилия в ходе дальнейших действий революционеров (вылившаяся в открытое вооруженное восстание), так и потребность привлечь для его подавления воинские подразделения из Санкт-Петербурга. В последнем случае необходимо подчеркнуть, что Ф.В. Дубасов начал добиваться отправки подкреплений в столицу еще 7 декабря (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 23. Л. 57).

Впрочем, необходимо отметить, что зачастую отказ представителей войск Московского военного округа выполнять требования гражданской администрации имел под собой объективные основания. В первую очередь необходимо акцентировать внимание на том, что силы московского гарнизона (и без того изначально немногочисленные) были существенно подорваны проводившейся осенью демобилизацией и предшествовавшей этому отправкой наиболее боеспособных подразделений на Дальний Восток.

К началу восстания каждый из входивших в московский гарнизон пехотных полков был способен выделить на подавление беспорядков только по 3–4 роты. Таким образом, в пределах города командование могло оперировать менее чем 40 ротами неполного состава. Когда 10 декабря части гарнизона были разделены на охранные подразделения, общая численность мобильных частей и резерва насчитывала лишь около 2,2 тыс. человек. Для охраны Кремля, где дислоцировался центр управления операцией по подавлению беспорядков, были выделены лишь 3 роты (или приблизительно 150 человек) (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386, 388, 575–576; Черномордик, 1926: 204–205).

Нехватку личного состава, пригодного для участия в операциях по подавлению беспорядков, усугубляло сохранение в структуре армейских подразделений значительного небоевого элемента: часть солдат исполняла исключительно функции прислуги для офицеров, была занята на выпечке хлеба, исполняла обязанности представителей низшей бюрократии и т.д. (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 202).

Конечно, следует учитывать, что в распоряжении правительственных войск находились 18 орудий и 24 пулемета. Однако они были приданы достаточно небольшому количеству подразделений, а транспортировка элементов тяжелого вооружения и боеприпасов по охваченному восстанием городу была сопряжена со значительными затруднениями. Кроме того, участники восстания достаточно быстро отказались от тактики организованного сопротивления войскам большими группами на основе укрепленных позиций. Вместо этого в городе начали действовать небольшие «летучие отряды» вооруженных стрелковым оружием боевиков, действовавших по принципу «ударь и беги», что в значительной степени нивелировало преимущество правительственных войск в виде наличия артиллерии (Дейч, 1926: 83; Засулич, 1931: 112).

Как следствие, острый дефицит личного состава в войсках гарнизона сохранялся вплоть до прибытия подкреплений из Санкт-Петербурга. В ходе боев с революционерами проблема вполне ожидаемо усугубилась: причиной стали не столько потери в результате боевых действий, сколько переутомление в сочетании с плохо организованным материальным обеспечением, что было связано как с во многом волонтаристским характером используемой генерал-губернатором модели управления, так и с низким качеством организации поддерживающих мероприятий в отношении войск со стороны гражданской администрации.

Одна и та же воинская часть могла быть использована сразу несколько раз для разгона толп в разных локациях, что в том числе вынуждало военное командование дробить подразделения. Так, 7 декабря половина 1-го эскадрона.

1-го лейб-драгунского Московского полка, первоначально занимавшая позицию возле завода Гивартовского, была отправлена в район фабрики Цинделя, затем затребована на фабрику Афыенко,

после чего подразделение было развернуто уже на Кузнецкой улице. В то же время вторая половина эскадрона действовала на фабрике Абрикосова. Одновременно половина личного состава 2-го эскадрона была развернута возле фабрики Симоно, в то время как прочая часть подразделения действовала возле Голутвинской мануфактуры (ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 53; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 85, 89).

При этом и-за отсутствия регламентации процесса пребывания военнослужащих в наряде его продолжительность могла достигать нескольких суток. Зачастую солдаты и унтер-офицеры были вынуждены ночевать в сараях, на складах или в пустых товарных вагонах. Несмотря на то, что на представителей полиции были возложены обязательства по снабжению воинских команд продовольствием, их члены зачастую были вынуждены покупать продукты и дрова за счет собственных средств и готовить еду на улице (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 43-45; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 45).

Важно отметить и то, что доверие к командованию Московского военного округа зачастую подрывала непоследовательность действий со стороны гражданской администрации, создававшая организационный хаос. Так, 9 декабря в соответствии с совместным решением гражданской и военной администрации было принято решение о развертывании в Москве всех войск гарнизона на основании утвержденных в ноябре планов. Однако вскоре после того, как войска были оповещены о новом приказе, в части начала поступать информация об его отмене, причиной стало то, что к градоначальнику Г.П. фон Медему стали поступать слухи о скоплении большой массы митингующих в Лефортово. Градоначальник не посчитал необходимым перепроверить эту информацию (оказавшуюся ложной) и сумел переубедить военное руководство перенаправить основные силы армейских подразделений в Лефортово (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. I. Л. 112; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 81).

На низовом уровне взаимодействие между представителями армии и гражданской администрации (в первую очередь – в лице представителей полиции) выстраивалось, в силу отсутствия четкого регламента, во многом ситуативно. В одних случаях полицейские чины присоединяли воинские команды к своим подразделениям и за счет этого брали на себя управление небольшими группами военнослужащих. В частности, в одном из районов Лефортовской части под командованием местного пристава оказались казаки 1-го Донского полка (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. I. Л. 234, 236; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 70). В рамках других эпизодов сами полицейские выступали в качестве сил поддержки армейских подразделений (как, например, при освобождении драгунами 12 декабря типографии Сыгина) (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 88). В некоторых случаях участие полиции ограничивалось либо исключительно вызовом воинского наряда на место событий, либо указанием целей для воинских подразделений (в том числе – для артиллерии). Также на полицейских, наряду с пожарными, возлагалась задача по ликвидации отбитых у участников восстания баррикад (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 471; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 75).

При этом необходимо признать, что в отдельных случаях как представители армии, так и полицейские игнорировали свои обязанности в рамках разделения функций. Так, 11 декабря представители армейского командования проигнорировали сообщение пристава одного из участков Арбатской части Москвы относительно строительства баррикад в Скарятинском переулке и на Кудринской площади. Равным образом были оставлены без внимания неоднократные сигналы полицейских из Лефортовской части о появлении укреплений восставших на Краснопрудной улице (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 88). В то же время полицейские регулярно не выполняли распоряжения о ликвидации захваченных баррикад (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 2090б.-210, 213-214).

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, приходилось ли Ф.В. Дубасову брать на себя прямое управление войсками в ходе подавления восстания. Несмотря на соответствующие заявления, сделанные генерал-губернатором в докладной записке императору, делопроизводственные материалы штаба Московского военного округа свидетельствуют о минимальной роли Ф.В. Дубасова в планировании и реализации операций. Их разработка и организация осуществлялись преимущественно генерал-квартирмейстером штаба Московского военного округа С.М. Шейдеманом под контролем начальника штаба округа Е.А. Рауш фон Траубенберга (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 84).

5. Заключение

Таким образом, стратегии реагирования на угрозу вооруженного восстания как гражданской администрации, так и военного командования содержали в себе целый ряд значимых просчетов, а во взаимоотношениях между ними наблюдался дефицит доверия во многих значимых моментах. В этих условиях прямое подчинение частей московского гарнизона генерал-губернатору вряд ли привело бы к оптимизации действий правительственных формирований по подавлению вооруженного восстания. Эта мера принесла бы ожидаемый эффект лишь при сопутствующем увеличении численности воинских подразделений, а также налаживании на должном уровне агентурной работы полиции и обеспечении эффективной работы систем связи.

При этом ответственность за обозначенные недостатки не может быть возложена преимущественно на Ф.В. Дубасова, так как он был назначен на пост генерал-губернатора Москвы

лишь в конце ноября 1905 г. и объективно не имел ни ресурсов, ни полномочий, чтобы устранить эти недостатки хотя бы в рамках своей компетенции.

Литература

- Алмазов, 2020 – Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // *Российская история*. 2020. № 1. С. 51-74.
- Ананьич, Ганелин, 2000 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
- Берман, 1913 – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Бобровская, 1924 – Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894–1914). М., 1924.
- Брачев, 2002 – Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 2002.
- Буренин, 1961 – Буренин Н.Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1961.
- Варфоломеев, 2008 – Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // *Российский исторический журнал*. 2008. № 2. С. 3-51.
- Галкин, 1996 – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Головков, 2005 – Головков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005.
- Гредескул, 1912 – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гурьев, 2014 – Гурьев В.И. Московская полиция 1881–1917 гг. СПб., 2014.
- Дейч, 1926 – Дейч Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. Тула, 1926.
- Ерошкин, 1952 – Ерошкин Н.П. Административно-полицейский аппарат / История Москвы. Т. 5. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М., 1952. С. 663-675.
- Засулич, 1931 – Засулич В.Н. Воспоминания. М., 1931.
- Звездов, 1925 – Звездов А.А. Рядовой подпольщик в революции 1905 г. М., 1925.
- Кальманович, 1928 – Кальманович С.Е. Царская расправа. М., 1928.
- Караев, 1953 – Караев П.Н. В дооктябрьские годы. На партийной работе, в тюрьме и ссылке. М., 1953.
- Козлинина, 1913 – Козлинин Е.И. За полвека. 1862–1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда). Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.
- Мицкевич, 1940 – Мицкевич С.И. Революционная Москва. М., 1940.
- Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- Овченко, 2012 – Овченко Ю.Ф. Безопасность империи: политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия (1880–1917 гг.). М., 2012.
- Островитянинов, 1967 – Островитянов К.В. Думы о прошлом (из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). М., 1967.
- Панкратов, Поляков, 1965 – Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков 1903–1917 гг. М., 1965.
- Панкратова, 1951 – Панкратова А.М. Первая русская революция. 2-е изд. М., 1951.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Сторожев, 1920 – Сторожев В.Н. Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // *Декабрьское восстание в Москве 1905 г.* М., 1920. С. 109-114.
- Таратута, 1925 – Таратута В.К. 1905 год и Московское восстание. М., 1925.
- Хлобустов, 2000 – Хлобустов О.М. Большевики и терроризм в России. Большевики и политический терроризм в России // *Современный терроризм: состояние и перспективы*. М., 2000. С. 28-35.
- Чебарин, 1953 – Чебарин А.С. Москва в революции 1905–1907 гг. М., 1953.
- Черномордик, 1926 – Черномордик С.И. Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.-Л., 1926.

References

- Almazov, 2020 – Almazov, M.G. (2020). F.V. Dubasov i podavlenie Dekabr'skogo vosstaniya v Moskve [Dubasov and the suppression of the December uprising in Moscow]. *Rossiiskaya istoriya*. 1: 51-74. [in Russian]
- Anan'ich, Ganelin, 2000 – Anan'ich, B.V., Ganelin, R.Sh. (2000). Sergei Yul'evich Vitte i ego vremena [Sergei Yulievich Witte and his time]. SPb.[in Russian]
- Berman, 1913 – Berman, Ya. (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennyuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]

- Bobrovskaya, 1924** – *Bobrovskaya, Ts.* (1924). Zapiski ryadovogo podpol'shchika (1894–1914) [Notes of an ordinary underground worker (1894–1914)]. M. [in Russian]
- Brachev, 2002** – *Brachev, V.S.* (2002). Mastera politicheskogo syska dorevolyutsionnoi Rossii [Masters of political investigation of pre-revolutionary Russia]. SPb. [in Russian]
- Burenin, 1961** – *Burenin, N.E.* (1961). Pamyatnyegody. Vospominaniya [Memorable Years. Memories]. L. [in Russian]
- Chebarin, 1953** – *Chebarin, A.S.* (1953). Moskva v revolyutsii 1905–1907 gg. [Moscow in the revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Chernomordik, 1926** – *Chernomordik, S.I.* (1926). Moskovskoe vooruzhennoe vosstanie v dekabre 1905 goda [Moscow armed uprising in December 1905]. M.; L. [in Russian]
- Deich, 1926** – *Deich, L.G.* (1926). Provokatory i terror. Po lichnym vospominaniyam. Tula [Provocateurs and terror. From personal memories]. [in Russian]
- Eroshkin, 1952** – *Eroshkin, N.P.* (1952). Administrativno-politseyskii apparat [Administrative and police apparatus]. Istoriya Moskvy. V. 5. Period imperializma i burzhuazno-demokraticheskikh revolyutsii. M. Pp. 663-675. [in Russian]
- Galkin, 1996** – *Galkin, V.V.* (1996). Tsarskaya tainaya politziya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. M. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].
- Golovkov, 2005** – *Golovkov, G.Z.* (2005). Bunt po-russki: palachi i zhertvy: Randevu s revolyutsiei 1905–1907 gg. [Revolt in Russian: Executioners and Victims: Rendezvous with the Revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Gredeskul, 1912** – *Gredeskul, N.A.* (1912). Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]
- Gur'ev, 2014** – *Gur'ev, V.I.* (2014) Moskovskaya politziya 1881–1917 gg. [Moscow police 1881–1917]. SPb. [in Russian]
- Kal'manovich, 1928** – *Kal'manovich, S.E.* (1928) Tsarskaya rasprava [Tsarist massacre]. M. [in Russian]
- Karaev, 1953** – *Karavaev, P.N.* (1953). V dooktyabr'skie gody. Na partiinoirabote, v tyur'me i ssylke [Karavaev in the pre-October years]. M. [in Russian]
- Khlobustov, 2000** – *Khlobustov, O.M.* (2000). Bol'sheviki i terrorizm v Rossii. Bol'sheviki i politicheskii terrorizm v Rossii [Bolsheviks and terrorism in Russia. Bolsheviks and political terrorism in Russia]. *Sovremennyyi terrorizm: sostoyanie i perspektivy*. M. Pp. 28-35. [in Russian]
- Kozlinina, 1913** – *Kozlinina, E.I.* (1913). Zapolveka. 1862–1912 gg. (Pyat'desyat let v stenakhsuda). Vospominaniya, ocherki i kharakteristiki [For half a century. 1862–1912 (Fifty years in the walls of the court). Memories, Essays and Characteristics]. M. [in Russian]
- Mitskevich, 1940** – *Mitskevich, S.I.* (1940) Revolyutsionnaya Moskva [Revolutionary Moscow]. M. [in Russian]
- Novitskii, 1991** – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [Novitsky From the memoirs of a gendarme]. M. [in Russian]
- Ostrovityaninov, 1967** – *Ostrovityanov, K.V.* (1967). Dumy o proshlom (iz istorii pervoi rossiiskoi revolyutsii, bol'shevistskogo podpol'ya i oktyabr'skikh boev protiv kontrevolyutsii v Moskve) [Dumas about the past (from the history of the first Russian revolution, the Bolshevik underground and the October battles against the counter-revolution in Moscow)]. M. [in Russian]
- Ovchenko, 2012** – *Ovchenko, Yu.F.* (2012). Bezopasnost' imperii: politicheskii rozysk-sredstvo obespecheniya bezopasnosti Rossiiskogo samoderzhaviya (1880–1917 gg.) [The security of the empire: political search as a means of ensuring the security of the Russian autocracy]. M. [in Russian]
- Pankratov, Polyakov, 1965** – *Pankratov, N.R., Polyakov, I.M.* (1967) Voenna-boevaya rabotabol'shevikov 1903-1917 gg. [Military combat work of the Bolsheviks 1903–1917]. M. [in Russian]
- Pankratova, 1951** – *Pankratova, A.M.* (1951). Pervaya russkaya revolyutsiya [The first Russian revolution]. 2-e izd. M. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Storozhev, 1920** – *Storozhev, V.N.* (1920). Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie (Po arkhivnym materialam) [December armed uprising (According to archival materials)]. Dekabr'skoe vosstanie v Moskve 1905 g. M. Pp. 109-114. [in Russian]
- Taratuta, 1925** – *Taratuta, V.K.* (1925). 1905 god i Moskovskoe vosstanie [1905 and the Moscow uprising]. M. [in Russian]
- Varfolomeev, 2008** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2008) «Russkiisposob»: Fenomen revolyutsionnogo terrorizma v Rossii nachala KhKh v. [“Russian Way”: The Phenomenon of Revolutionary Terrorism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. 2: 3-51. [in Russian]
- Zasulich, 1931** – *Zasulich, V.N.* (1931). Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]

Zvezdov, 1925 – Zvezdov, A.A. (1925). Ryadovoi podpol'shchik v revolyutsii 1905 g. [An ordinary underground worker in the revolution of 1905]. M. [in Russian]

Проблемные стороны взаимодействия гражданских и военных властей Москвы в ходе подавления декабрьского восстания 1905 г.

Станислав Евгеньевич Прокофьев ^{a, *}, Павел Сергеевич Селезнев ^a, Константин Васильевич Симонов ^a, Даниэл Викторович Петросянц ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящена изучению ключевых проблем во взаимодействии гражданских и военных властей Москвы в ходе подавления декабрьского восстания 1905 г. Источниковая база исследования сформирована за счет привлечения архивных документов – материалов фондов штаба Московского военного округа, Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи и Отделения по охране общественной безопасности и порядка при московском градоначальнике, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном военно-историческом архиве.

Методологическая основа работы включает в себя элементы структурного, синхронного и диахронного анализа. Авторы приходят к выводу, что стратегии реагирования на угрозу вооруженного восстания как гражданской администрации, так и военного командования содержали в себе целый ряд значимых просчетов, а во взаимоотношениях между ними наблюдался дефицит доверия во многих значимых моментах. В этих условиях прямое подчинение частей московского гарнизона генерал-губернатору вряд ли привело бы к оптимизации действий правительственных формирований по подавлению вооруженного восстания. Эта мера принесла бы ожидаемый эффект лишь при сопутствующем увеличении численности воинских подразделений, а также налаживании на должном уровне агентурной работы полиции и обеспечении эффективной работы систем связи. При этом ответственность за обозначенные недостатки не может быть возложена преимущественно на Ф.В. Дубасова, так как он был назначен на пост генерал-губернатора Москвы лишь в конце ноября 1905 г. и объективно не имел ни ресурсов, ни полномочий, чтобы устранить эти недостатки хотя бы в рамках своей компетенции.

Ключевые слова: революция, 1905 г., Москва, полиция, жандармерия, митинги, беспорядки, гражданская власть, генерал-губернатор, армия, Московский военный округ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SEProkofev@fa.ru (С.Е. Прокофьев), PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), KVSimonov@fa.ru (К.В. Симонов), DVPetrosyants@fa.ru (Д.В. Петросянц)